

Сергей Миллер

Палач Бездны

Сергей Миллер

Палач Бездны

<https://litres.ru/73311032>

SelfPub; 2026

Аннотация

В книге «Палач Бездны» Сергея Миллера читатель погружается в мрачный и мистический мир, где главный герой, некогда имевший другое имя, выполняет свою жуткую работу в аду. Он давно потерял счёт времени и забыл свою прошлую жизнь. Главный герой сталкивается с неожиданной ситуацией, которая заставляет его усомниться в справедливости происходящего. Он встречает женщину, душа которой почти чиста. Это ставит под вопрос всю его картину мира и заставляет задуматься о том, что происходит на самом деле. Лёгкая проза переплетается с мистикой и элементами попаданчества, создавая уникальную атмосферу и заставляя читателя задуматься о природе добра и зла, справедливости и возмездии.

Содержание

Глава 1. Рутина	4
Глава 2. Воспоминания	9
Глава 3. Система	13
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Палач Бездны

Глава1. Рутина

Он давно жил в аду и сноровисто рубил грешников на куски, отчего его правая рука превратилась в узел из мышц и сухожилий.

Михаил – так его звали когда-то, в той, другой жизни, которую он уже почти не помнил – поднял топор в семь тысяч четыреста восемьдесят третий раз за этот бесконечный день. День здесь никогда не заканчивался. Солнца не было – только багровое зарево, исходившее отовсюду и ниоткуда, словно сам воздух горел изнутри тусклым, больным огнём. Грешник перед ним – мужчина средних лет с обвисшим животом и глазами, полными того особенного ужаса, который появляется только тогда, когда понимаешь, что смерть не будет концом – дёргался в оковах. Цепи врезались в запястья, но кровь не текла. Здесь всё работало иначе.

– Пожалуйста, – прохрипел грешник. – Я не заслужил...

Михаил не ответил. Он давно перестал разговаривать с ними. В первые годы – или века? – он пытался. Слушал их истории, их оправдания, их мольбы. Каждый считал себя невиновным. Каждый был уверен, что произошла ошибка.

Банкир, укравший пенсии у стариков, объяснял, что просто следовал правилам системы. Насильник твердил, что жертва сама виновата. Убийца плакал о тяжёлом детстве.

Топор опустился. Плоть разошлась с влажным чавканьем, и Михаил привычно отступил на шаг, чтобы хлынувшая кровь не попала на сапоги. Сапоги были единственной вещью, о которой он заботился. Не потому, что они имели значение – здесь ничто не имело значения – а потому, что это давало хоть какую-то иллюзию контроля над бесконечностью. Грешник закричал – тем особенным воплем, который существовал только в преисподней, звуком, содержащим в себе всю боль, которую человеческое тело способно испытать, умноженную на понимание того, что это никогда не закончится.

Михаил снова поднял топор.

Рука двигалась сама, без участия сознания. Мышцы, выросшие за бессчётные тысячелетия монотонной работы, были твёрдыми, как корабельные канаты. Предплечье расширилось до неестественных размеров, а пальцы, сжимавшие рукоять, казались высеченными из гранита. Даже вены выступали рельефно, пульсируя собственным тёмным ритмом, не совпадавшим с биением того, что заменяло ему сердце. Второй удар пришёлся по рёбрам. Кости хрустнули, как сухие ветки под ногой путника в осеннем лесу. Михаил помнил осенние леса. Помнил, как пахла опавшая листва, как хрустел под ногами первый ледок на лужах. Это воспомина-

ние было настолько древним и истёртым, что казалось принадлежащим кому-то другому – призраку человека, которым он был когда-то.

Третий удар. Четвёртый. Пятый.

Грешник уже не кричал – только хрипел и булькал. Но он не умирал. Здесь никто не умирал по-настоящему. Через несколько часов – или минут? время здесь текло странно – его тело восстановится, и можно будет начинать сначала. Бесконечный цикл боли, идеально откалиброванный для максимальных страданий. Когда от грешника осталась только груда дымящейся плоти, Михаил отступил и опустил топор. Лезвие со звоном ударилось о каменный пол – чёрный, отполированный до зеркального блеска миллионами таких же ударов.

– Следующий, – произнёс он.

Его голос был хриплым от неиспользования. Он разговаривал только одним словом, и это слово было всегда одинаковым.

Из темноты выступила фигура. Женщина. Молодая, красивая той особенной красотой, которая когда-то, в мире живых, заставляла мужчин совершать безумства. Длинные чёрные волосы, зелёные глаза, полные слёз, губы, дрожащие от ужаса.

– Пожалуйста... – начала она.

Михаил уже не слушал. Он указал на оковы, и невидимая сила подхватила женщину, вздёргнула в воздух и приковала

к каменной стене. Цепи появлялись сами, материализуясь из красноватого тумана, который постоянно клубился у пола.

Он поднял топор.

– Я не понимаю! – закричала женщина. – За что? Что я сделала?!

Михаил замер. Это было необычно. Большинство грешников знали свои грехи – пусть даже отрицали их. Но в её глазах было что-то другое. Не страх разоблачения, не стыд обнажённой подлости. Только чистое, незамутнённое непонимание. Он посмотрел на неё внимательнее. В аду у него развилось особое зрение – способность видеть грех, проступающий на душе чёрными письменами. У каждого грешника эти письмена были чёткими, легко читаемыми. Убийства светились тёмно-красным. Ложь – болотно-зелёным. Предательства отливали холодным серебром. Но эта женщина... Её душа была почти чиста. Лишь несколько бледных, едва различимых пятен – мелкие прегрешения, которые есть у каждого живого существа. Ничего, что заслуживало бы ада.

Топор дрогнул в его руке.

– Как тебя зовут? – спросил Михаил, и его собственный голос поразил его. Он не задавал вопросов уже... Как давно? Он не знал.

– Анна, – прошептала женщина. – Меня зовут Анна. Я не понимаю, что происходит. Я помню... Я переходила дорогу. Была машина. А потом...

– Темнота?

Она кивнула, и слёзы покатались по её щекам.

Михаил медленно опустил топор. Что-то было не так.

Очень не так.

За все века, что он провёл здесь, палачом в бесконечных пыточных камерах ада, он ни разу не видел невинной души. Ад был совершенной машиной справедливости – жестокой, безжалостной, но справедливой. Каждый, кто попадал сюда, заслуживал этого.

Так было всегда.

До сих пор.

Глава 2. Воспоминания

Михаил отступил на несколько шагов, не спуская глаз с прикованной женщины. Анна смотрела на него с надеждой – той глупой, отчаянной надеждой, которая появляется только у тех, кто ещё не понял, где находится.

– Оставайся здесь, – сказал он, хотя это было излишне. Оковы не отпустили бы её, даже если бы она обладала силой сотни демонов.

Он повернулся и пошёл прочь, в темноту, окружавшую его рабочее место. Темнота здесь была особенной – густой, почти осязаемой, пахнувшей серой и горем. Она расступалась перед ним неохотно, словно живое существо, которое он тревожил.

Михаилу нужно было подумать. А для этого ему нужно было вспомнить.

Вспомнить было сложно. Ад делал всё, чтобы его обитатели забыли свою прежнюю жизнь. Не из милосердия – какое милосердие в аду? – а потому что память была слишком ценной валютой. Помнящий – это надеющийся. Надеющийся – это сопротивляющийся. А сопротивляющийся... Сопротивляющихся ад ломал особенно тщательно.

Но Михаил помнил. Не всё – лишь обрывки, фрагменты, осколки разбитого зеркала, в котором когда-то отражалась

его жизнь. Он берёт эти осколки, прятал их глубоко внутри, в месте, куда даже щупальца преисподней не могли дотянуться.

Он помнил город.

Большой, шумный, грязный – как все большие города. Высотные дома, забитые людьми, как соты пчёлами. Машины, ползущие по улицам в бесконечных пробках. Неоновые вывески, обещающие счастье за умеренную плату. Он помнил свою квартиру.

Однокомнатная, на четырнадцатом этаже панельной многоэтажки. Окно выходило на запад, и каждый вечер он мог наблюдать закат – единственная роскошь, которую он мог себе позволить. Закаты были красивыми. Небо полыхало всеми оттенками красного и золотого, и в эти минуты даже серый, унылый город казался почти прекрасным.

Он помнил свою работу.

Охранник в торговом центре. Двенадцать часов смены, стоя у входа в форме, которая была ему велика в плечах. Он смотрел, как мимо проходят люди – счастливые, несчастные, озабоченные, беззаботные. Смотрел и думал о том, как странно устроена жизнь. Все эти люди куда-то спешили, что-то покупали, о чём-то переживали – а потом умирали, и всё это теряло значение.

Он помнил ту ночь. Ночь, когда всё изменилось.

Смена заканчивалась в одиннадцать. Он переоделся в подсобке, попрощался со сменщиком – усатым мужиком по

имени Толик, который вечно жевал семечки – и вышел на улицу. Было холодно. Конец октября, первые заморозки. Из рта шёл пар, а тонкая куртка совсем не грела. Он решил срезать через дворы. Это было ошибкой. В одном из дворов – тёмном, заставленном ржавыми гаражами – он услышал крик. Женский крик, полный ужаса и боли. Первым инстинктом было пройти мимо. Не его дело. В городе каждый день кто-то кричит, и лезть в чужие проблемы – верный способ нажить свои. Но что-то заставило его остановиться. Может быть, это был второй крик – тише, отчаяннее, срывающийся на хрип. Может быть, это было воспоминание о матери, которая умерла, когда ему было двенадцать, и которую он не смог защитить. Может быть, это было просто глупое, иррациональное желание хоть раз в жизни сделать что-то правильное. Он побежал на крик. За гаражами он нашёл их. Трое мужчин – здоровых, пьяных, с масляными глазами и руками, которые делали то, чего руки делать не должны. И девушка – молодая, растрёпанная, с разорванной блузкой и глазами, полными того ужаса, который меняет человека навсегда.

Дальнейшее Михаил помнил смутно.

Он помнил крик – свой собственный, звериный, нечеловеческий. Помнил, как его кулак врезался в чью-то челюсть. Помнил хруст костей – чужих или своих, он не знал. Помнил боль – острую, пронзительную, когда что-то холодное и металлическое вошло в его живот.

Нож.

Он помнил, как упал на колени. Помнил, как смотрел на свои руки, покрытые кровью – его собственной и чужой. Помнил, как мир вокруг начал тускнеть, словно кто-то медленно выкручивал яркость. Помнил последнее, что увидел: девушка, которую он спас, бежала прочь. Живая. Целая. Свободная.

А потом была темнота.

И после темноты – ад.

Глава 3. Система

Михаил всегда считал, что после смерти его ждёт пустота. Ничто. Вечный сон без сновидений. Он не верил ни в рай, ни в ад, ни в переселение душ. Смерть – это конец, точка, финальный занавес. Так он думал. Он ошибался.

Первое, что он увидел, открыв глаза, – красное небо. Не розовое, как на закате, а багрово-красное, цвета свежей артериальной крови. Небо пульсировало, словно огромное сердце, и от этого пульса по всему телу разливалась тупая, ноющая боль. Он лежал на чём-то твёрдом. Камень? Он повернул голову. Да, камень. Чёрный, гладкий, тёплый – словно нагретый изнутри.

– Встань, – произнёс голос.

Михаил сел. Перед ним стояло существо. Оно было высоким – метра три, не меньше – и человекоподобным, но лишь отдалённо. Две руки, две ноги, голова на плечах. На этом сходство заканчивалось. Кожа существа была серой, как пепел, и покрытой мелкими чешуйками. Глаза – жёлтыми, с вертикальными зрачками, как у змеи. А лицо... Лица, в привычном понимании, у существа не было. Только гладкая поверхность с прорезями для глаз и рта.

– Что... за... – начал Михаил.

– Ты умер, – сказало существо. Его голос был странным

– многослойным, словно несколько голосов говорили одновременно. – Ты в аду.

– В аду? – Михаил хотел засмеяться озираясь по сторонам, но из горла вырвался только сухой хрип. —С какого перепуга?! Это вроде меня зарезали! Это что шутка? Я жертва!

– Ад не шутит, – ответило существо. – Ад не шутит никогда.

Оно протянуло руку – серую, с длинными когтистыми пальцами – и помогло Михаилу подняться. Михаил принял помощь машинально, слишком ошеломлённый, чтобы сопротивляться.

– Я не понимаю, – сказал он, снова оглядываясь. – Холодный страх замораживал всё внутри.

Они стояли на вершине холма, и Михаил увидел ад.

Он ожидал огня. Ожидал тьмы. Ожидал чертей с вилами, как в страшных сказках, которые мать рассказывала ему перед сном. Но это... это было красиво. Страшно, невозможно, невыносимо – но «красиво». Пустыня простиралась до горизонта, и её цвет был цветом заката – того последнего мгновения, когда солнце тонет за краем мира, окрашивая небо в алый и золотой. Только здесь закат никогда не заканчивался. Он длился вечно – застывший, замороженный, как муха в янтаре. Камни на равнине блестели, словно покрытые инеем. Но это был не иней – это была соль. Соль слёз, понял Михаил откуда-то. Миллионы слёз, пролитых здесь за тысячелетия, высохших и ставших частью земли.

Он шагнул вперёд, и соль хрустнула под ногой – тихо, печально, как хрустит первый лёд на луже.

Воздух пах... странно. Не серой, не дымом – чем-то сладким. Приторным. Запах гниющих цветов, запах меда, забытого на солнце. Красивый запах, если не знать, что он означает.

«Смерть,» понял Михаил. «Так пахнет смерть, когда она перестаёт притворяться.»

Небо над головой было живым. Оно двигалось – медленно, величественно, как движутся тучи в грозу. Только это были не тучи. Багровые разводы перетекали друг в друга, складывались в узоры, которые почти имели смысл. Иногда Михаилу казалось, что он видит лица. Огромные, размытые, состоящие из света и тени. Они смотрели на него с небес – не злобно, не угрожающе. Просто... «смотрели». С интересом. С терпением.

«Мы подождём,» говорили их взгляды. «У нас есть время. У нас есть вечность.»

На горизонте поднимались горы.

Они были чёрными – единственное, что не было красным в этом мире. Чернее ночи, чернее угля, чернее самого понятия «чёрный». Они поглощали свет, не отражая ничего. Их вершины были острыми, как ножи, и казалось – протяни руку, порежешься, даже отсюда, за много вёрст. Между горами что-то светилось. Жёлтый огонь, мерцающий, как свеча на ветру. Михаил смотрел на него, и огонь мигнул.

«Мигнул.» – Это был глаз.

Что-то сидело между горами. Что-то настолько большое, что горы казались валунами у его ног. Оно смотрело на Михаила – одним глазом, жёлтым и холодным, как зимняя луна. Смотрело и ждало.

«Чего ждёт?» – подумал Михаил.

И понял: его.

– Идём, – сказала существо рядом с ним.

Михаил не мог пошевелиться. Красота этого места держала его – страшная, неправильная красота, от которой хотелось одновременно плакать и смеяться. Это было совершенно. Совершенно в своём ужасе. Каждый камень, каждая тень, каждый отблеск света – всё было на своём месте. Всё было «задумано» таким. Кто-то создал это место. Кто-то вложил в него... любовь? Нет, не любовь. Что-то другое. Что-то, для чего у людей не было слова.

– Идём, – повторило существо.

Михаил сделал шаг.

Соль хрустнула под ногой. Небо вздрогнуло. Далёкий жёлтый глаз мигнул снова. И где-то в глубине гор – там, где не было ничего, кроме тьмы и ожидания – что-то улыбнулось.

– Понимание придёт, – сказала существо. – Пойдём.

Они шли долго. Время здесь текло странно – то растягиваясь, как жвачка, то сжимаясь до единственного удара пульса. Михаил не чувствовал голода или жажды, не чувствовал усталости в ногах, но чувствовал что-то другое – тупое, давя-

щее чувство неправильности. Словно всё его существо протестовало против этого места. «Это не правильно».

Наконец они пришли.

Город.

Михаил почувствовал его раньше, чем увидел.

Сначала – запах. Тяжёлый, сладковатый, с металлическим привкусом на языке. Запах крови, которая никогда не высыхает. Запах пота, пропитанного ужасом. Запах чего-то горелого – не дерева, не плоти, чего-то другого. Может быть, так пахнет, когда горит надежда.

Потом – звук. Далёкий гул, похожий на шум прибоя. Только волны здесь состояли из голосов. Крики накатывали, разбивались о невидимые берега, откатывались – и накатывали снова. Бесконечный прибой агонии.

И только потом – зрение.

«Это не должно существовать,» подумал Михаил. «Ничто не должно быть построено так.»

Но город существовал. Вопреки логике. Вопреки эстетике. Вопреки самому понятию «существования».

Он вырос из красной пустыни, как опухоль вырастает из здоровой ткани – захватывая, пожирая, превращая всё вокруг в себя. Там, где заканчивалась пустыня и начинался город, не было границы. Песок просто становился камнем. Плавно, органично, словно это было одно и то же вещество в разных состояниях.

Может быть, так оно и было.

Башни.

Михаил считал их – досчитал до сорока и сбился. Они множились, раздваивались, сливались друг с другом. Некоторые были тонкими, как иглы – чёрные спицы, пронзающие багровое небо. Другие – массивными, приземистыми, похожими на огромные надгробия. Третьи – закрученными, как рога невообразимого зверя.

И на каждой – фигуры.

«Они были людьми,» понял он. «Когда-то.»

Теперь они стали частью архитектуры. Вплавлены в шпили, вросли в карнизы, превратились в водостоки, из которых вместо воды текло что-то чёрное и густое. Их лица – там, где лица ещё можно было различить – выражали оттенки страдания, для которых в человеческом языке не существовало слов.

Боль-которая-длится-вечно.

Ужас-который-не-позволяет-сойти-с-ума.

Отчаяние-которое-уже-не-надеется-даже-на-смерть.

Михаил заставил себя отвести глаза.

Стены.

Они окружали город непрерывным кольцом – высокие, гладкие, отражающие тусклый свет неба, как чёрное зеркало. И на этом зеркале – картины. Нет, не картины. Барельефы. Но такие детальные, такие живые, что казалось: протяни руку – и коснёшься тёплой плоти.

«Не касайся,» сказал инстинкт. «Никогда не касайся.»

Он смотрел.

Видел, как человеку медленно – так медленно, что глаз едва улавливал движение – срезали кожу тонкими полосками. Палач работал ножом с любовью ремесленника. Жертва смотрела на это с выражением, которое вышло за пределы боли. За пределы всего.

Видел, как женщину заставляли есть что-то. Что-то, что было частью неё самой. Её глаза были открыты, и в них стояли слёзы – каменные слёзы, стекающие по каменным щекам.

Видел, как детей...

«Нет.»

Михаил закрыл глаза. Потом открыл. Барельефы никуда не делись. Они продолжали свою работу – медленную, тщательную, бесконечную.

И они двигались. Едва заметно, на грани восприятия – но двигались. Лезвие, занесённое над жертвой, опускалось. Медленнее, чем растёт дерево. Медленнее, чем движутся континенты. Одно движение ножа длилось столетие. А потом – снова вверх. И снова вниз.

Вечность, вырезанная в камне.

«Это и есть ад,» подумал Михаил. «Не огонь. Не черти с вилами. Просто это. Страдание, возведённое в искусство. Боль, ставшая архитектурой.»

Ворота.

Они возвышались перед ним – два титанических столба, соединённых аркой. Металл... но не совсем металл. Что-то,

что когда-то было жидким, а потом застыло – но не до конца. Поверхность ворот рябила, шла волнами. И в этих волнах...

Лица. Тысячи лиц, проступающих из глубины и снова тонущих. Рты, открытые в крике. Глаза, ищущие выход. Руки, тянущиеся к поверхности.

Души, из которых выковали ворота.

Надпись над аркой не нуждалась в переводе. Она проникла прямо в разум, минуя глаза:

««КАЖДЫЙ ЗДЕСЬ – ПО СВОЕЙ ВОЛЕ. ВЫ ВЫБРАЛИ ПУТЬ, КОТОРЫЙ ПРИВЁЛ ВАС СЮДА. МЫ ЛИШЬ ИСПОЛНЯЕМ.»»

«Ложь,» подумал Михаил. «Я не выбирал.»

Но ворота уже открывались.

Створки разошлись беззвучно, плавно, как занавес в театре. Изнутри хлынул жар – не физический, а какой-то другой. Жар внимания. Словно миллион глаз одновременно повернулся к проёму, чтобы увидеть, кто посмел войти.

За воротами был двор.

И люди.

Нет, не люди – души. Тысячи, десятки тысяч душ, стоявших в очереди, которая змеилась по двору и терялась где-то в глубине города. Они стояли неподвижно, понуро опустив головы, и от них исходило почти осязаемое отчаяние.

– Это суд, – сказала существо. – Здесь определяют меру наказания.

– Наказания? – переспросил Михаил. – За что меня нака-

зывать—то? Я невиновен!!

Существо повернулось к нему. Его жёлтые глаза смотрели без выражения, но в многослойном голосе проскользнуло что-то похожее на любопытство.

– Ты не знаешь?

– Нет!

Пауза. Существо наклонило голову, словно прислушиваясь к чему-то.

– Интересно, – произнесло оно наконец. – Очень интересно. Пойдём. Тебя ждут.

Его провели мимо очереди – тысячи глаз смотрели ему вслед, и в этих глазах были ненависть и зависть. Он шёл по улицам города, который был кошмаром, воплощённым в камне. Из окон башен доносились крики. Из подвалов – стоны. Из труб, опутывавших здания, как вены – булькающий звук, который он предпочёл не идентифицировать.

Наконец они вошли в здание – огромное, с колоннами из костей и полом из спрессованного пепла. Внутри был зал, а в центре зала – трон.

На троне сидело существо.

Если его провожатый был нечеловеческим, то это было анти-человеческим. Оно не имело формы – или имело слишком много форм одновременно. Михаил смотрел на него, и его глаза болели от попыток сфокусироваться. Крылья? Щупальца? Глаза – сотни глаз? Рты – тысячи ртов? Всё это и ничего из этого.

– Михаил Дмитриевич Корнеев, – произнёс голос, исходивший отовсюду и ниоткуда. – Родился пятого марта тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года в городе Красноярске. Умер двадцать девятого октября две тысячи двадцать третьего года в городе Москве. Причина смерти – ножевое ранение в брюшную полость с повреждением печёночной артерии.

Михаил стоял, не в силах пошевелиться. Невидимые путы держали его крепче любых оков.

– Ты знаешь, почему ты здесь? – спросил голос.

– Нет, – прохрипел Михаил. – Я не... Я никого не убивал. Я не... Какой это ад? За что?

– За что? – голос, казалось, удивился. Если существо без формы способно удивляться. – Любопытный вопрос. Ты спас человеческую жизнь. Ты пожертвовал собой ради незнакомки. Ты...

Голос замолчал.

Пауза длилась вечность.

Михаил стоял, не дыша. Не двигаясь. Ожидая приговора, который уже был вынесен самим фактом его присутствия здесь. Он знал, что сейчас услышит перечисление грехов – настоящих или выдуманных, неважно. Система не ошибается. Если он здесь – значит, заслужил.

Так он думал.

– Произошла ошибка, – произнёс голос наконец.

Одно слово. Пять слогов. И мир перевернулся.

Михаил почувствовал это физически – как удар под дых, как ведро ледяной воды на голову, как первый вдох после того, как тонул и уже смирился. Внутри что-то сжалось, потом разжалось, потом сжалось снова – словно сердце, которое забыло, как биться, вдруг вспомнило.

«Ошибка.»

Надежда – страшная, отчаянная, невозможная – шевельнулась в груди. Та самая надежда, которую он похоронил в тот момент, когда увидел багровое небо. Та, которую убил, когда понял, где находится. Она была жива. Она поднимала голову, как цветок после заморозков, и тянулась к этому слову – «ошибка» – как к солнцу.

– Ошибка? – голос Михаила сорвался. Он сам не узнал его – хриплый, дрожащий, полный чего-то, что он боялся назвать. – Вы... вы хотите сказать...

Он не мог закончить. Не мог произнести вслух то, о чём думал. Потому что если он скажет это – и окажется неправ – он не переживёт.

Но мысль уже была там, яркая и безумная:

«Меня отпустят. Меня не должно быть здесь. Это ошибка, и меня отпустят.»

Он вспомнил мать. Вспомнил, как она лежала в больнице, жёлтая и худая, и врачи говорили – неделя, может, две. А потом один из них – молодой, с усталыми глазами – пришёл и сказал: «Мы ошиблись с диагнозом. Это не рак. Это лечится.»

Мать плакала тогда. Плакала и смеялась одновременно. Михаил не понимал – ему было двенадцать, и он не знал ещё, каково это: умереть внутри, а потом услышать, что можно жить.

Теперь он знал. Слезы – настоящие, горячие, человеческие слёзы – потекли по его щекам. Он не плакал с детства. Не плакал, когда мать всё-таки умерла три месяца спустя. Не плакал в детдоме, когда его били старшие. Не плакал, когда нож вошёл в его живот.

Но сейчас – сейчас он плакал.

– Пожалуйста, – прошептал он. Слово вырвалось само, из какой-то глубины, о которой он не подозревал. – Пожалуйста, если это ошибка... Я не должен... Я не...

Он упал на колени.

Не от слабости – от облегчения. От надежды, которая была слишком тяжёлой, чтобы нести её стоя. Колени ударились о каменный пол, но он не почувствовал боли. Он вообще ничего не чувствовал, кроме этого – огромного, всепоглощающего, невозможного чувства.

«Может быть, я выберусь. Может быть, это не конец.»

Он поднял голову, глядя на существо без формы, на престол из чего-то, что не было материей.

– Отпустите меня, – сказал он. – Если это ошибка – просто отпустите. Я вернусь. Я буду жить. Я...

«Я стану лучше. Я буду ценить каждый день. Я никогда не пожалуюсь на свою серую, скучную, прекрасную жизнь.»

Торг. Он торговался – с чем? С адом? С богом? С самим собой? Неважно. Он готов был обещать что угодно. Отдать что угодно. Лишь бы это слово – «ошибка» – означало то, что он думал.

– Ад не отпускает, – произнёс голос.

И мир рухнул.

Не сразу. Не с грохотом. А медленно, беззвучно, как падает снег. Как гаснет свет в комнате умирающего. Как уходит жизнь из глаз матери, которой обещали, что она поправится. Надежда, которая только что расцвела в его груди, умерла. Тихо, без борьбы. Просто... перестала быть.

– Что? – голос Михаила был пустым. Мёртвым. – Но вы же сказали...

– Я сказал: произошла ошибка. – Голос существа был ровным, безэмоциональным. – Но это не меняет ничего. Ад не отпускает никогда. Это фундаментальный закон. Тот, кто пересёк порог, остаётся навечно.

Навечно.

– Но у тебя есть выбор. Быть наказуемым или наказующим.

Михаил медленно сел. Слёзы всё ещё текли по его лицу, но он не замечал их. Он смотрел в пустоту и не видел ничего. Это было хуже, чем первый приговор.

Первый раз – когда он понял, что в аду – был ударом. Жестоким, внезапным, оглушающим. Но он мог это принять. Мог смириться. Мог сказать себе: так устроен мир, и я часть

этого мира. Но это... Это было другое. Ему показали выход. Показали свет в конце тоннеля. Дали почувствовать вкус свободы – и отняли. Это было, как вытащить тонущего на берег, дать ему отдышаться, а потом столкнуть обратно в воду.

Это было как сказать умирающему: «Ты будешь жить» – и через минуту: «Извини, я пошутил».

– Но вы сами сказали – ошибка, – голос Михаила был едва слышен. – Если я не должен быть здесь... – он затравленно озирался по сторонам.

– Ты не должен был попасть сюда, – уточнил голос. – Но ты здесь. И это создаёт... сложности.

Сложности. Его вечные муки – сложности. Его душа, приговорённая к бесконечным страданиям за грех, которого он не совершал – административная ошибка.

– Это несправедливо, – прошептал он.

И сам поразился тому, как детски это прозвучало. Несправедливо. словно он жаловался учителю на то, что его незаслуженно поставили в угол. словно справедливость здесь что-то значила.

– Справедливость, – повторил голос, и в нём было что-то похожее на горечь. – Любопытное слово. Ты думаешь, ад – это справедливость?

Михаил не ответил.

– Ад – это система, – продолжил голос. – Система не бывает справедливой или несправедливой. Она просто работает. Шестерёнки крутятся, механизмы движутся, души пере-

малываются. Иногда в механизм попадает что-то, чего там быть не должно. — Пауза. — Это не меняет ничего. Механизм продолжает работать.

Михаил медленно поднялся на ноги.

Что-то внутри него менялось. Надежда умерла — но на её месте поднималось что-то другое. Не отчаяние. Не смирение. Что-то... холодное. Твёрдое. Острое. Он почувствовал вкус железа во рту.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Что?

— Кто направил меня сюда? — Его голос окреп. — Вы сказали — ошибка. Но не ваша. Человеческая. Кто-то наверху меня не хотел. Кто-то закрыл передо мной нужную дверь. — Он смотрел на существо, и в его глазах горело что-то новое. — Кто?

Пауза.

— Это нас не касается, — ответил голос наконец. — Наши отношения с... верхом... сложны. Мы не вмешиваемся в их дела. Они не вмешиваются в наши. Таков договор.

— Мне плевать на ваш договор.

Слова вырвались сами — резкие, яростные, безрассудные. Михаил знал, что не должен так говорить. Не здесь. Не с этим существом. Но ему было всё равно.

Надежда умерла. А на её месте родился гнев.

Тот самый гнев, который он нёс всю жизнь. Гнев на мир, который был к нему несправедлив. На людей, которые его не

замечали. На систему, которая его перемалывала. Теперь у этого гнева была цель.

– Кто-то сделал это со мной, – сказал он медленно. – Кто-то решил, что я должен страдать вечно за то, что спас человеческую жизнь. – Он сжал кулаки. – И когда я узнаю, кто это – я найду способ заставить его заплатить.

Тишина.

А потом существо на троне сделало что-то неожиданное. Оно засмеялось.

Смех был странным – многослойным, резонирующим, заполняющим всё пространство. В нём было что-то от скрежета металла, что-то от шелеста страниц, что-то от далёкого грома.

– Интересно, – сказала существо, отсмеявшись. – Очень интересно. – Пауза. – Ты только что потерял всё. Узнал, что обречён на вечные муки за преступление, которого не совершал. И вместо того, чтобы сломаться... ты злишься.

– А что мне ещё делать?

– Большинство – ломаются. Плачут. Молят о пощаде. Сходят с ума. – Голос стал тише, задумчивее. – Но ты... ты планируешь месть. В аду. Против того, кто имеет власть над самой смертью.

– Да.

– Это безумие.

– Возможно.

Снова пауза. Михаил чувствовал, как существо изучает

его – не глазами, чем-то другим. Чем-то, что проникало глубже, чем любой взгляд.

– Ты сказал, что я могу выбрать, – напомнил Михаил. – Быть наказуемым или наказующим. Я выбираю второе.

– Почему?

– Потому что если я буду палачом – у меня будет время. Время узнать, как работает это место. Время найти того, кто это сделал. Время... Дождаться ...– Он не закончил.

– Время отомстить, – закончило существо за него.

– Да.

Долгое молчание.

– Хорошо, – сказала существо наконец. – Ты получишь свой топор. Свою камеру. Своих грешников. – Пауза. – Но помни: ад меняет всех. Через сто лет ты забудешь свой гнев. Через тысячу – забудешь своё имя. Через десять тысяч – забудешь, что когда-то был человеком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.